

мается к «образу холодной, безмолвной вечности» и «тому неопisanному творческому могуществу, перед которым все смертное трепетать должно» (I, 665). Эстетически эта ассоциация была обоснована Э. Бэрком; практически — Юнгом и «кладбищенской поэзией». Философская символика меланхолического пейзажа такого рода вела читателя к мысли о бренности и быстротечности земного существования и успокоению в лоне божества. Как и предшественники романтической поэзии, Карамзин пользуется разработанной в поэтике классицизма системой аллегорий, которая оказывается неожиданно удобной для наведения чувства страха и создания атмосферы таинственности. Предметность описания исчезает; остается психологическое состояние, обозначенное через абстрактное понятие, — созданное некими ирреальными силами ощущение страха и ожидания. «Ничего, кроме печального, кроме страшного не представлялось на седых утесах. С ужасом видел я там образ холодной, безмолвной вечности, образ неумолимой смерти» и т. д.²² В ассоциативной лирической прозе повести эти концептуальные моменты пейзажных описаний неощутимо сменяются бытовыми конкретными зарисовками.

Но пейзаж в «Острове Борнгольме» имеет и сюжетную функцию и уже тем самым включается в число пейзажных описаний сюжетной прозаической литературы. И здесь нам придется вспомнить цитированный отрывок из «Моих желаний» князя Сибирского, где в сознании автора естественно соединились «Лес» Радклиф и «Бедная Лиза». Эпигон Карамзина как бы закрепляет характерное движение темы: от мотива «природы» к мотиву «монастыря». Как только монастырь оказывается в художественном фокусе, он изменяет течение ассоциаций. В «Бедной Лизе» с его появлением начинает исчезать элегическая смягченность пейзажа: из «меланхолического» он становится «ужасным». «Страшно воют ветры в стенах опустелого монастыря, между гробов, заросших высокою травю, и в мрачных переходах келий». Здесь уже намечается тема борнгольмского замка, но лишь намечается, не получая дальнейшего развития.

В «Острове Борнгольме» уже с самого начала нет этой элегической смягченности. Морские ландшафты и описания острова суровы и тревожны; в них чувствуется связь с дескриптивной дидактической лигатурой, но не в ее элегическом варианте.

²² Ср. наблюдения над поэтикой кладбищенской поэзии в статье: P. M. Sparks. Horror-Personification in late XVIII Century Poetry Studies in Philology, v. LIX, 1962, July, № 3, pp. 568, 566.